

Frances
BURNETT
1849–1924

Фрэнсис
БЕРНЕТТ

Таинственный сад

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 51

Перевод с английского Нины Демуровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Бернетт Ф.

Б 51 Таинственный сад : повесть / Фрэнсис Бернетт ; пер. с англ. Н. Демуровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11650-4

Повесть знаменитой англо-американской писательницы Ф. Бернетт «Таинственный сад» — одна из самых любимых детьми и взрослыми всего мира. В ней рассказывается о судьбе осиротевшей девочки Мэри Леннокс, которая живет в доме дяди и чувствует себя очень одинокой. Пытаясь привыкнуть к новому окружению, болезненная, слабая девочка часто выходит на прогулки возле дома. Однажды она находит ключ от тайного сада, который пролежал в земле десять лет, — и перед ней распаивается целый мир...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-11650-4

© Н. Демурова, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Глава 1
«НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ...»

Когда Мэри Леннокс прислали к дядюшке в усадьбу Мисселтвейт, все нашли, что выглядит она просто ужасно. Так оно и было. Тщедушная, личико с кулачок, волосы редкие, тонкие и взгляд исподлобья. Волосы у нее были желтые и лицо тоже желтое, ибо родилась она в Индии и все время чем-то болела. Отец ее был служащим в английской администрации и вечно работал и хворал, а мать была красавица и только и думала что о балах и развлечениях. Ребенок ей был ни к чему. Когда Мэри родилась, она отдала ее на попечение айи, которой дали понять, что если она хочет угодить мемсахиб¹, то пусть лучше не пускает девочку ей на глаза. Мэри была болезненным, капризным и некрасивым младенцем, и ее держали от матери подальше, а потом, когда она начала понемногу ходить, но оставалась такой же болезненной и капризной, ее тоже держали подальше. Сколько Мэри себя помнила, ее всегда окружали темные лица нянюшки и других слуг-туземцев, а так как они всегда ей повиновались и во всем

¹ *Мемсахиб (англо-инд.)* — госпожа (так слуги называли англичанок).

уступали — ведь мемсахиб рассердится, если ее потревожит плач ребенка! — то к шести годам она превратилась в отвратительную эгоистку и маленькую тиранку. Она так не понравилась молодой гувернантке-англичанке, которую наняли, чтобы научить ее читать и писать, что через три месяца та отказалась от места, а другие не выдерживали и этого срока. Если бы Мэри самой не захотелось читать книжки, она так бы никогда и не научилась грамоте.

Однажды удручающе жарким утром — Мэри уже исполнилось девять лет — она проснулась в крайне дурном расположении духа и, увидав, что возле кровати стоит не айя, а какая-то незнакомая служанка, еще пуще рассердилась.

— А ты зачем сюда явилась? — сказала она женщине. — Ты мне не нужна. Пришли мне мою айю.

Женщина испугалась и, запинаясь, пробормотала, что айя прийти не может, а когда Мэри стала кричать, бить ее и пинать, та только в ужасе повторяла, что айя прийти к мисс сахиб никак не может.

В то утро все было как-то странно. Обычный порядок нарушился, некоторые из слуг-индийцев куда-то исчезли, а те, кто оставался в доме, старались не попадаться на глаза или проскользнуть мимо, и лица у них были серые от страха. Но Мэри ничего не объясняли, и айя не появлялась. Утро Мэри провела в одиночестве; потом побрела в сад и принялась играть под деревом возле веранды — она делала вид, будто разбивает грядку для цветов. Она втыкала в землю большие багровые цветы гибискуса, а сама меж тем все больше

и больше сердилась и бормотала про себя все, что выскажет Сейди, когда та вернется.

— Свинья! Свинья! И родители твои свиньи! — бормотала она, ибо назвать туземца свиньей — самое страшное оскорбление.

Сжав зубы, она снова и снова повторяла эти слова, как вдруг услышала, что на веранду вышла мать с каким-то светловолосым молодым человеком. Они остановились, переговариваясь странными, приглушенными голосами. Мэри знала этого юношу, который походил скорее на подростка. Она слышала, что этот юный офицер недавно приехал из Англии. Мэри разглядывала его лицо, но еще внимательнее — свою мать. Она всегда любовалась ею, если представлялась возможность, ведь мемсахиб — Мэри чаще всего так ее называла — была такая высокая, стройная, красивая и так изящно одевалась! Ее шелковистые волосы вились, небольшой изящный нос был надменно вздернут, а огромные глаза смеялись. Она носила легкие, воздушные платья, которые, как говорила Мэри, были «все в кружевах». В это утро кружев, казалось, было больше обычного, но глаза ее не смеялись. Большие и испуганные, они с мольбой взирали на светловолосого юного офицера.

— Неужто это так серьезно? — спрашивала она. — Скажите мне правду, прошу вас.

— Это ужасно, — отвечал тот дрогнувшим голосом. — Ужасно, миссис Леннокс. Вам еще две недели назад следовало уехать в горы.

Мемсахиб ломала руки.

— О, знаю, знаю! — восклицала она. — Я осталась только для того, чтобы поехать на этот дурацкий прием. Какая глупость!

В тот миг со стороны хижин, где жили слуги, раздавался такой громкий плач, что миссис Леннокс схватила юношу за руку, а Мэри вся задрожала. Плач становился все громче и отчаяннее.

— Что это? Что? — спросила миссис Леннокс. У нее перехватило дыхание.

— Кто-то умер, — отвечал юный офицер. — Вы не сказали, что она уже поразила ваших слуг.

— Ах, я не знала! — вскричала миссис Леннокс. — Пойдемте! Пойдемте!

Она повернулась и побежала в дом.

То, что произошло потом, было ужасно. Позже Мэри объяснили все загадки этого утра. Оказалось, что в городе разразилась страшнейшая холера и люди умирали как мухи. Ночью заболела аяя — и громкий плач, который Мэри услышала в саду, означал, что ее няня умерла. Не прошло и дня, как умерли еще трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Всюду царил паника, во всех домах лежали умирающие.

Второй день Мэри, всеми забытая в суете и смятении, провела у себя в детской. Никто ее не хватился, никому не было до нее дела, а она и не подумывала о том, что творилось вокруг. Она то плакала, то дремала. И знала только, что все больно, и слышала сквозь двери непонятные и страшные звуки. Один раз она прокралась в столовую: в комнате никого не было, хотя на столе еще стоял недоеденный обед, стулья и тарелки были в беспорядке, будто их торопливо отодвинули, когда обедавшие вдруг в спешке встали из-за стола. Мэри поела немного фруктов и печенья, а ощутив жажду, осушила стакан вина, стоявший на столе. Вино было сладкое — и крепкое, но она этого не знала. Скоро ее стало клонить ко сну, она верну-

лась в детскую и опять закрыла глаза, напуганная криками в хижинах и беготней в доме. От вина ей так хотелось спать, что глаза у нее просто слипались; она улеглась в постель и надолго забылась.

Многое произошло в те часы, что Мэри спала, однако ее не разбудили ни плач и стенания, ни шум, оттого что вносили и выносили что-то тяжелое.

Проснувшись, Мэри полежала, глядя в стену. В доме царил полнейшая тишина. Такого еще никогда не бывало. Не слышно было ни голосов, ни шагов, и Мэри подумала: может, холера уже кончилась и все опять хорошо. Интересно, кто теперь, когда ая умерла, будет за ней ходить, размышляла она. К ней приставят новую аю, и, может, она расскажет ей новые сказки — старые Мэри давно надоели. Она не горевала о своей няне. Она вообще ни к кому не была привязана и никого не жалела. Шум, беготня и плач об умерших ее напугали, и еще она сердилась, что о ней забыли, хотя она-то была жива. Всех охватил такой ужас, что никто и не вспомнил о девочке: ведь ее никто не любил. Холера, верно, заставила людей забыть обо всем, кроме самих себя. Но, если холера кончилась и все выздоровели, теперь кто-нибудь, конечно, вспомнит про Мэри и придет за ней.

Однако никто не приходил. Мэри лежала и ждала, а в доме становилось все тише. Вдруг что-то прошуршало по циновке — Мэри глянула и увидела маленькую змейку, которая скользила мимо, следя за ней изумрудными глазами. Девочка не испугалась — змейка не причинит ей вреда, она и сама спешит поскорее спрятаться. Змейка вильнула и бесшумно скрылась под дверью.

«Странно, какая кругом тишина, — подумала Мэри. — Будто в доме нет никого, кроме меня и змейки».

В ту же минуту она услышала шаги во дворе, а потом на веранде. Шаги были мужские; тихо переговариваясь, мужчины вошли в дом. Никто их не встретил, никто не окликнул; Мэри услышала, что они открывают двери и заглядывают в комнаты.

— Какая пустота! — сказал кто-то. — И эта женщина, такая красивая! И девочка, верно, тоже. Я слышал, у нее была девочка, хотя ее никто и не видел.

Спустя несколько минут дверь детской отворилась. Мэри стояла посреди комнаты, некрасивая и насупленная. Она сердилась: она была голодна, а ей ничего не несли. Первым в комнату вошел высокий офицер — когда-то она видела, как он беседовал с ее отцом. Он выглядел усталым и озабоченным; увидав ее, он так удивился, что чуть не отпрянул в сторону.

— Барни! — закричал он. — Тут ребенок! Совершенно один! В таком-то гиблом месте! Господи, спаси и помилуй! Кто же это?

— Я Мэри Леннокс, — произнесла девочка, выпрямляясь. Ей не понравилось, что офицер называл ее дом «гиблым местом». — Я заснула, когда разразилась холера, и только сейчас проснулась. Почему ко мне никто не идет?

— Это та самая девочка, которую никто никогда не видел! — воскликнул офицер, обернувшись к своим товарищам. — Ее здесь просто забыли!

— Как это меня забыли?! — закричала Мэри, топнув ногой. — Почему никто не идет?

Молодой человек по имени Барни грустно взглянул на нее. Мэри даже показалось, что он сморгнул слезы с глаз.

— Бедняжка! — сказал он. — Потому что никого не осталось в живых.

Так Мэри узнала — это было до того странно и неожиданно, — что у нее нет больше ни отца, ни матери, что в ту ночь они умерли и их унесли и что оставшиеся в живых слуги в ужасе бежали из дому, даже не вспомнив о «маленькой госпоже». Вот почему в доме царила такая тишина. В нем и правда не было никого, кроме нее и маленькой быстрой змейки.

Глава 2 «МИСТРИС МЭРИ»

Мэри привыкла смотреть на мать издалека и любоваться ее красотой, но она ее почти не знала, так что, когда матери не стало, конечно, не могла тосковать по ней. Она и не тосковала — как всегда, она была занята исключительно собой. Будь она постарше, ее, несомненно, испугало бы то обстоятельство, что она осталась теперь совсем одна на белом свете, но она была еще мала, за ней всегда кто-то ухаживал, и она полагала, что так вечно и будет. Беспокоилась она только о том, к хорошим ли людям теперь попадет, будут ли они к ней так же добры и уступчивы, как ее айя и другие слуги-туземцы.

Она знала, что ее не оставят в доме английского священника, куда ее устроили поначалу. Да она и не хотела там оставаться. Священник был беден,

а в доме у него росло пятеро детей; дурно одетые погодки, они вечно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри невзлюбила их дом, где вечно царил беспорядок, и так всем грубила, что дня через два никто уже не хотел с ней играть. И дня не прошло, как они дали ей прозвище, которое привело ее в ярость.

Придумал его Бэзил. Это был небольшой мальчишка с дерзкими голубыми глазами и вздернутым носом; Мэри его ненавидела. Она играла одна в тени под деревом, совсем как в тот день, когда разразилась холера. Она насыпала кучками землю, как будто это клумбы, а между ними дорожки, как вдруг явился Бэзил, встал неподалеку и стал смотреть, что она делает, а потом заинтересовался и предложил:

— А ты не хочешь насыпать кучку камней — тогда у тебя получилась бы горка? Вот здесь, в середине.

И он наклонился, чтобы показать.

— Уходи! — закричала Мэри. — Мне мальчишки не нужны! Убирайся!

Бэзил было рассердился, а потом принялся дразнить ее. Он вечно дразнил сестер. Он заплясал вокруг Мэри, корча рожи, смеясь и напевая:

Мистрис Мэри, злючка Мэри,
Что ты растишь в своем саду?
Серебряные бубенчики,
Нюхотки и лебеду.

Он пел и пел эту песенку, пока его не услышали остальные и не присоединились к нему; чем больше Мэри сердилась, тем больше они ее дразнили; и пока она жила у них, они так и зва-

ли ее и в лицо, и за глаза: «мистрис Мэри, злючка Мэри».

— Тебя отправят домой, — объявил ей Бэзил. — В конце недели. И прекрасно! Мы этому очень рады!

— И я тоже рада, — отвечала Мэри. — А куда это домой?

— Она не знает, что такое «домой»! — закричал семилетний Бэзил, с презрением глядя на нее. — В Англию, конечно. Там наша бабушка живет. Нашу сестру Мейбл посылали к ней в прошлом году погостить. Только ты едешь не к бабушке. У тебя нет бабушки! Ты едешь к своему дяде. Его зовут Арчибальд Крейвен.

— Не знаю такого, — отрезала Мэри.

— Ну конечно не знаешь, — согласился Бэзил. — Ты ничего не знаешь. Девчонки вообще никогда ничего не знают. Я слышал, как папа говорил о нем с мамой. Он живет в деревне, в большом обветшалом старинном доме, с ним никто не знается. У него такой дурной нрав, что он никого к себе близко не подпускает. Да если б и подпустил, все равно никто бы к нему и не пошел. Он такой противный! И горбун!

— А я тебе не верю, — заявила Мэри, поворачиваясь к нему спиной и затыкая пальцами уши. Она не желала больше этого слушать.

Но позже она долго размышляла над его словами; и когда миссис Крофорд сказала ей вечером, что через несколько дней ее отошлют на пароходе к дядюшке, мистеру Арчибальду Крейвену, который живет в Мисселтвейт-Мэноре, она молчала с таким безразличным видом, что мистер и миссис Крофорд совсем растерялись. Они

попытались ее приласкать, но, когда миссис Крофорд нагнулась, чтобы поцеловать ее, Мэри отвернулась, а когда мистер Крофорд похлопал ее по плечу, она словно окаменела.

— Она такая некрасивая, — заметила позже миссис Крофорд с жалостью. — А мать у нее была такая красавица! И так изящно всегда держалась, а Мэри совсем не умеет себя вести. В жизни не видала такого невоспитанного ребенка! Дети прозвали ее злючкой. Они, конечно, шалуны, но их можно понять.

— Возможно, если бы ее красивая и изящная мать больше времени проводила в детской, то Мэри переняла бы ее манеры, — возразил мистер Крофорд. — Бедняжка, ее уже нет в живых, но, как это ни грустно, раньше многие даже не подозревали, что у нее есть дочь!

— Она почти и не виделась с девочкой, — вздохнула миссис Крофорд. — Когда умерла нянька, о ребенке некому было и вспомнить. Подумай только, слуги разбежались и бросили ее одну в доме! Полковник Мак-Гру говорит, он чуть не упал от неожиданности: открыл дверь — а она стоит посреди комнаты!

Долгое путешествие в Англию Мэри провела под присмотром жены одного офицера, которая везла своих детей в школу-пансион. Эта дама была так поглощена своим маленьким сыном и дочкой, что с радостью передала Мэри женщине, которую мистер Арчибальд Крейвен прислал за ней в Лондон. Это была экономка из Мисселтвейт-Мэнора, полная краснощекая женщина с пронзительными черными глазами по имени миссис Медлок. На ней было лиловое платье, черная шел-

ковая мантилья с бахромой из стекляруса и черная шляпка с лиловыми бархатными цветами, которые вставали дыбом, стоило ей тряхнуть головой. Мэри с первого взгляда ее невзлюбила; впрочем, неудивительно: ей редко кто нравился, да и на миссис Медлок она явно не произвела приятного впечатления.

— Ну и ну! — протянула миссис Медлок. — До чего же неказиста! А мы-то слышали, что мать у нее была красавица. Она от нее ничего не взяла, правда, сударыня?

— Возможно, с возрастом выправится, — добродушно возразила офицерская жена. — Все бы ничего, будь у нее румянца побольше да манеры получше. Черты лица у нее неплохие. Дети со временем сильно меняются.

— Да, придется ей очень сильно измениться, — отвечала миссис Медлок. — Только в Мисселтвейте детям выправляться не с чего — вот что я вам скажу!

Они полагали, что Мэри их не слышит — она стояла в стороне, глядя в окно (разговор происходил в небольшой гостинице, где они остановились). Мэри смотрела на проезжающие омнибусы и кебы, на спешащих мимо людей, но она все хорошо слышала и очень заинтересовалась дядюшкой и его именем. Что это было за место? И каким окажется он сам? А что такое «горбун»? Она горбуна никогда не видела. Может, их в Индии нет?

Теперь, когда Мэри жила по чужим домам и у нее больше не было аьи, она чувствовала себя совсем одинокой, странные мысли стали приходить ей в голову, прежде ей совсем незнакомые. Почему,

думалось ей, ее никто не любил, даже когда ее родители были живы? Других детей их отцы и матери любили, а ей никто ни разу не сказал: «Моя девочка!» У нее были слуги, еда и одежда, но никто не обращал на нее внимания. Это происходило оттого, что она ни в ком не вызывала симпатии; но она этого не знала. Ей часто не нравились другие, но она и не подозревала, что и сама производит на других неприятное впечатление.

Миссис Медлок с простецким румяным лицом и смешной шляпкой ужасно не понравилась Мэри. Когда на следующий день они отправились в Йоркшир, Мэри прошествовала по платформе к поезду, высоко подняв голову и стараясь держаться от нее на расстоянии: ей не хотелось, чтобы люди решили, будто она, Мэри, имеет к миссис Медлок какое-то отношение. Этого еще недоставало!

Но миссис Медлок не было дела до Мэри и ее чувств. Она была из тех женщин, которые, по ее собственному выражению, «не терпят от детей никаких капризов». Так бы она, по меньшей мере, заявила, если б ее спросили. В Лондон она поехала против воли — на тот день как раз была назначена свадьба ее сестры Марии, но она дорожила местом в Мисселтвейте, жалование там было хорошее, и ей ничего не оставалось, как беспрекословно выполнить распоряжение мистера Арчибалда Крейвена. Она даже спросить его ни о чем не решилась.

— Капитан Леннокс с женой умерли от холеры, — сказал ей мистер Крейвен, как всегда холодно и четко. — Капитан Леннокс — родной брат моей жены, теперь я опекун их дочери. Надо до-

ставить сюда ребенка. Вы поедете в Лондон и привезете ее.

И миссис Медлок уложила саквояж и поехала в Лондон.

Мэри, насупившись, забилась в угол. Читать ей было нечего, смотреть не на что, и она просто сидела, сложив на коленях худенькие руки в черных перчатках. Черное платье лишь подчеркивало нездоровый цвет ее лица, а прямые тонкие волосы некрасиво выбились из-под шляпки с черным крепом.

«В жизни не видывала такой набалованной девочки», — думала миссис Медлок, подразумевая, что в жизни не видела ребенка, который сидел бы так неподвижно и ничем не был занят. Наконец миссис Медлок надоело разглядывать Мэри, и она заговорила.

— Я, пожалуй, пока расскажу тебе, куда ты едешь, — произнесла она резким строгим голосом. — Ты что-нибудь знаешь о своем дядюшке?

— Нет, — отвечала Мэри.

— Разве ты никогда не слышала, что говорили о нем родители?

— Нет, — повторила, нахмурясь, Мэри. Нахмурилась она оттого, что родители вообще с ней почти не говорили. И уж конечно, ничего ей не рассказывали.

— Гм, — пробормотала миссис Медлок, всматриваясь в замкнутое личико своей неразговорчивой спутницы. С минуту она молчала, а потом произнесла: — Придется мне все-таки тебе кое-что рассказать... Подготовить тебя, что ли?.. Ты едешь в странное место.

Мэри молчала. Ее нескрываемое безразличие на миг смутило миссис Медлок, однако она набрала воздуха в легкие и продолжала:

— Ничего не скажу, дом великолепный, хотя очень древний и мрачный, и мистер Крейвен по-своему им очень гордится, только от этого не веселее. Дому шестьсот лет, и стоит он на самом краю пустоши, в нем чуть не сотня комнат, только все почти закрыты — заперты на ключ. И картины там есть, и прекрасная старинная мебель, и всякая другая старина, а вокруг большой парк, сады и деревья с ветвями чуть не до самой земли — не все, конечно, но есть и такие. — Она остановилась и снова набрала воздуха в легкие. — Но больше там ничего нет.

Мэри невольно начала прислушиваться к ее словам. Все это было так не похоже на Индию, а новизна ее привлекала. Но ей не хотелось показывать, что рассказ экономки ее заинтересовал. Это была одна из самых неприятных ее привычек. Она продолжала сидеть без движения на своем месте.

— Вот оно как, — заключила миссис Медлок. — Ну, что ты на это скажешь?

— Ничего, — проговорила Мэри. — Я об этом ничего не знаю.

Миссис Медлок только хмыкнула в ответ.

— Ну и ну! — сказала она. — Ты говоришь, как старушка. Тебе что, все равно?

— Все равно или не все равно, не имеет значения, — отвечала Мэри.

— Твоя правда, — согласилась миссис Медлок. — Для чего тебя везти в Мисселтвейт-Мэноу, я не знаю, разве что так ему, может, удобнее.

Уж он-то не будет себя из-за племянницы утруждать, можешь мне поверить! Он еще никогда ни для кого себя не утруждал.

Тут она смолкла, словно вовремя вспомнив о чем-то.

— У него позвоночник искривлен, — сказала она. — Верно, потому он такой! Смолоду кисло-го был нрава, никакой радости от своего имения и денег не имел, пока не женился.

Как ни старалась Мэри показать, что ей все безразлично, но не удержалась и перевела взгляд на экономку. Она и не подозревала, что горбун может жениться, и это ее слегка удивило. Миссис Медлок заметила ее интерес; она любила поболтать и потому с воодушевлением продолжила свой рассказ — ведь за рассказом и время идет быстрее.

— Жена у него была до того миленькая, до того хорошенькая, что она у него ни попроси, он бы всю землю обошел, а ее желание исполнил. Ни у кого и в мыслях не было, что она за него замуж пойдет, а она вот возьми да выйди. Люди болтали, что из-за денег, только это неправда. Нет, неправда! — Это слово миссис Медлок произнесла с убеждением. — И когда она умерла...

Мэри вздрогнула.

— Как! Она умерла? — переспросила она, забыв о своем решении молчать.

Она вспомнила французскую сказку под названием «Рикке-хохол», которую как-то читала. В ней рассказывалось о бедном горбуне и прекрасной принцессе, и ей вдруг стало очень жаль мистера Арчибальда Крейвена.

— Да, умерла, — повторила миссис Медлок. — А он после этого стал еще чуднее. Ни о ком не

думает. Никого видеть не желает. Все больше путешествует, а когда приедет, то запирается на своей половине — это в западном крыле — и никого к себе, кроме Питчера, не пускает. Питчер уже старик, он за ним еще за маленьким ухаживал и знает его привычки.

Все это больше походило на историю из книжки, но Мэри от этого не стало веселее. Как это мрачно — сотня комнат, и чуть не все заперты, дом на самом краю пустоши! Что такое пустошь, она не знала, но все равно. Человек с кривым позвоночником, да к тому же вечно запирается! Сжав губы, она уставилась в окно, и тут же, словно по команде, за окном хлынул проливной дождь. Серые струи косо стекали по стеклам вагона, дождь все хлестал да хлестал. Будь хорошенькая миссис Крейвен жива, ей бы, возможно, и удалось скрасить жизнь в этом мрачном доме, она бы появлялась и исчезала, красивая, как мама, и ездила бы на вечера в платьях, которые были «все в кружевах». Но она умерла.

— Только не жди, что ты его увидишь, — предупреждала миссис Медлок. — Едва ли. И не думай, что там у тебя будет с кем поговорить. Придется тебе самой себя развлекать. Тебе скажут, в какие комнаты можно заходить, а в какие нельзя. Сады-то там обширные. Но по дому ты особенно не броди и в комнаты не заглядывай. Мистер Крейвен этого не позволяет.

— Я и не собираюсь, — сказала Мэри обиженно. Она уже готова была пожалеть мистера Крейвена, но после этих слов жалость ее исчезла. Какой он противный, подумала она, верно, не зря на него обрушились все беды.

Она отвернулась и снова стала смотреть в окно, по которому все так же бежали серые струи; дождь, казалось, никогда не кончится. Она так долго, так упорно смотрела на дождь, что постепенно серый сумрак у нее в глазах сгустился, и она заснула.

Глава 3 ЧЕРЕЗ ВЕРЕСКОВУЮ ПУСТОШЬ

Спала она долго, а когда проснулась, оказалось, что миссис Медлок купила на одной станции обед в плетеной корзинке; они поели цыпленка, холодной говядины, хлеба с маслом и выпили горячего чая. Ливень, казалось, еще усилился; люди, которых они видели на станциях, были мокрые от дождя. Проводник зажег в вагоне лампы. За обедом миссис Медлок повеселела. Она ела долго, основательно, а потом заснула; Мэри сидела и смотрела, как ее нарядная шляпка медленно сползает набок, а потом и сама уснула в своем уголке, убаюканная шумом дождя за окном. Когда она открыла глаза, было уже темно. Поезд стоял, миссис Медлок трясла ее за плечо.

— Ну, заспалась! — говорила она. — Проснись, пора! Вот уж и Твейт, а нам еще долго добираться!

Мэри поднялась. Глаза у нее слипались, и она таращилась изо всех сил. Она не предложила миссис Медлок свою помощь — она к этому не привыкла, ведь в Индии все делали слуги-туземцы.

Станция была маленькая, и, кроме них, с поезда никто не сошел. Станционный смотритель приветствовал миссис Медлок с грубоватым доб-

родушием; говор у него был какой-то странный, резкий — позже Мэри узнала, что так говорят в Йоркшире.

— Я вижу, ты вернулась, — сказал он, обращаясь к миссис Медлок. — И девочку с собой привезла.

— Да, вот она, — отвечала миссис Медлок тоже с йоркширским выговором, кивнув через плечо в сторону Мэри. — Ну а твоя хозяйка как поживает?

— Неплохо. Карета вас ждет.

На дороге у платформы стоял экипаж. Мэри заметила, что это была щеголеватая двухместная карета, да и лакей, который помог ей в нее сесть, одет был щеголевато. Его длинный плащ и капюшон, прикрывавший шляпу, блестели от дождя, струи воды так и текли с них, как и со всех на станции, включая приземистого зрителя.

Лакей захлопнул дверцу, влез на козлы рядом с кучером, и они покатали; Мэри уютно устроилась на подушках в уголке кареты, но не собиралась снова засыпать. Она сидела и смотрела в окно; ей хотелось увидеть дорогу к странному дому, о котором рассказала миссис Медлок. Не то чтобы она напугалась — Мэри была не робкого десятка, — просто она знала, что в этом доме с запертыми комнатами, стоящем на краю пустоши, надо быть готовой ко всему.

— А пустошь — это что? — вдруг спросила она миссис Медлок.

— Минут через десять выгляни в окно и увидишь, — отвечала та. — Нам надо по Мисселской пустоши пять миль проехать, прежде чем мы до

дому доберемся. Много ты не разглядишь, ночь-то темная, но все же кое-что увидишь.

Больше Мэри не задавала вопросов; сидя в своем углу, она принялась ждать, не отрывая глаз от окна. Каретные фонари бросали перед собой неяркий свет, выхватывая кое-что из тьмы. Оставив станцию позади, они миновали крошечную деревню — Мэри разглядела беленькие домики и освещенные окна трактира. Потом мимо проплыли церковь, дом священника и маленькая лавка, в окне которой были выставлены на продажу игрушки, сласти и всякая мелочь. Потом пошла дорога — Мэри увидела живые изгороди и деревья. Они тянулись довольно долго — так, по крайней мере, ей казалось.

Наконец лошади замедлили шаг, словно дорога пошла в гору; вскоре деревья и изгороди исчезли. Мэри ничего не видела — с обеих сторон было совсем черно. Она наклонилась и прижалась лицом к стеклу — в эту минуту карету трянуло.

— А-а! Вот она, пустошь! — проговорила миссис Медлок.

Желтый свет фонарей упал на разбитую дорогу, проложенную меж кустов и каких-то низких растений, а вокруг и вдали была чернота. Поднялся ветер, в звуках его слышалась какая-то особая, пронзительная и дикая нота.

— Это... это ведь не море, правда? — спросила Мэри.

— Нет, это не море, — отвечала миссис Медлок. — Это и не поля и не горы, а только мили, и мили, и мили пустынной земли, на которой ничего не растет — только вереск, дрок и раkitник,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. «Никого не осталось...»	5
Глава 2. «Мистрис Мэри»	11
Глава 3. Через вересковую пустошь	21
Глава 4. Марта	26
Глава 5. Плач в коридоре	44
Глава 6. «Там кто-то плакал... плакал!»	51
Глава 7. Ключ от сада	59
Глава 8. Крылатая проводница	66
Глава 9. «До чего странный дом!»	75
Глава 10. Дикон	85
Глава 11. «Неужто я бы тебя выдал?»	98
Глава 12. «А можно мне немного земли?»	107
Глава 13. «Я — Колин!»	117
Глава 14. Юный раджа	131
Глава 15. «Мы тоже гнездо вьем!..»	144
Глава 16. «Ни за что!» — сказала Мэри	157
Глава 17. Истерика	166
Глава 18. «Больше ждать нельзя!»	174
Глава 19. «Она пришла!»	182
Глава 20. «Я буду жить, и жить вечно!»	195
Глава 21. Бен Везерстаф	204

Глава 22. Когда солнце зашло	216
Глава 23. Магия	222
Глава 24. «Пусть себе смеются...»	235
Глава 25. «Почему эта шторка отдернута?»	249
Глава 26. «Это матушка!»	257
Глава 27. В саду	268

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС БЕРНЕТТ
ТАИНСТВЕННЫЙ САД

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.06.2016. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAKB1967701R